

Князь

Временные трудности

Сентябрь. Рентгенология на Профсоюзной улице. Вхожу в больничный вестибюль.

– Вы куда?

– Найти одного пациента.

– Вы врач?

– Нет, я друг.

– А-а, значит – найти больного?

Я оторопел. Наконец-то я уразумел, какая у них разница между пациентом и больным! Перед врачом мы у них все – пациенты, в остальных случаях жизни мы все – больные.

Мне надо на шестой этаж, прохожу к дверям лифта, как вдруг из бокового полумрака:

– Дима! – В проеме между больнично-синей колонной и стеной сияют большие князевы глаза и широченная улыбка, а фоном – тощий темный силуэт с телефонной трубкой к уху и с палочкой в руке.

Обнялись. Он договорил по телефону. Мы вышли во двор, сели на скамейку.

– Ты извини, Ментий, я на тебя подымлю маленько.

– Ничего, я на тебя тоже.

Неловкость. Я только накануне узнал о страшном диагнозе и приехал повыведать о состоянии и о готовности попробовать нестандартные средства. Но в какой степени сам он знает?

– Нинка с Никиткой прилетают из Америки.

– Когда?

– На этой неделе, – медленно выпустил дым чуть вверх. – Я отговаривал, а они всё равно едут... Ну чего им смотреть на это дерьмо!

Знает. Разговаривать стало проще. Интересно, сдался? Или верит?

– Что врач говорит?

– Молчит. У них привычка такая.

Трепались о разном, но недолго, пока он не потянулся за обезболивающим. Попрощались. Поднимается по ступеням крыльца. Но, видать, вопрос повис на моих бровях, и он на ходу чуть повернулся, улыбнулся и характерно протянул:

– Вре-менные трудности...

Я так хотел видеть знак надежды, что тут же его и увидел – верит! Движение к нему:

– Княже, дружище, мы навалимся сообща и сократим это время трудностей. – О, боже! с первых же своих слов я понимаю, куда въехал, и тормозить поздно, и к концу фразы лихорадочно вырливаю, надеясь хоть подбором слов смягчить глупость, и ничего из этого не получается.

Этот деликатнейший Князь, тонкий словолуб, какую двусмысленную фигуру мне вылепил! И я вляпался! От неожиданности, от разрядившегося перенапряжения мозгов и от

лукавинки мелькнувшей в его глазах я чуть не расхохотался. И зря этого не сделал – мы бы посмеялись вместе...

Звенигородские картинки

Звенигород, – а точнее, Звенигородская биостанция, – для нас это не только место обязательной летней практики после второго курса. Это – такое место, куда тебя и в зиму и в лето затягивает по много раз на старших курсах, и потом тянет туда всю жизнь! Это – ночные лодочные прогулки вверх по реке, через пороги и косматый речной туман, до самого Обрыва Любви, где живет легенда о погибшей девушке. Это – песни у костра в комариной лесной прохладе до рассвета. Это – излюбленное место летней жизни Агитбригады, отчасти потому, что в июне и начале июля здесь бурлит очередной второй курс, и где же нам еще готовить концерты очередного летнего агитпохода.

Здесь, на биостанции кто-то из агитбригадских его представил:

– Знакомся. Князь. Настоящий. Владимир Голицын.

Забавным было уточнение “настоящий”, выдававшее удивление такому небывалому делу.

Располагающая открытая улыбка, иронически-снисходительная величавость, манера чуть протягивать слова – впечатления от первого знакомства, неизменные во все года. Князь. Родовой знак уже давно служил ему именем собственным, но оставался родовым знаком. В имени не должна теряться цена слова. И если кто, слов не чуя, брякнет в дружеском порыве “Князёк”, тотчас получит иронически-назидательное, врасяжку: “ Попрошу-у не вносить путаницу в терминологию,” – и характерный хохоток. На попытку кликать Вовой – остерegaющий перст, вскинутая бровь и неизменно добродушное: “Воло-о-дя.”

На биостанции у него почти всегда в руках ножичек и кусок коры – вырезает матово-шоколадные лики в корявом обрамлении. Любимое дело. Один такой лик подарен Галке Ситниковой, однокурснице, в которую – это я совсем вот недавно узнал – Князь был трагически влюблен. Еще бы! Мало кто мог бы остаться равнодушным к своевольной красавице певунье, лицо которой немыслимо без улыбки, веселой, грустной или лукавой. Как, впрочем, и лицо Князя. Правда, однажды, много лет позже на репетиции я видел ее во гневе, по-дамски неоправданном и милом, – и все же в памяти нет облика без улыбки.

У Князя был револьвер. Игрушечный. Очень натуральный. Литой, тяжеленький, все там как положено двигалось и щелкало, откидывалось и захлопывалось, и только не стреляло. Он с ним не расставался, умел вращать вокруг пальца, подбрасывать и ловить с переворотом прямо, с переворотом вбок, с двойным переворотом наперекосяк, и всяко. И очень ему это нравилось...

Меня удивило: взрослый парень и – детская игрушка?!

– Дай, я попробую.

– Бери.

С этого дня я с револьвером не расставался, научился вращать вокруг пальца, подбрасывать и ловить с переворотом прямо, с переворотом вбок, с двойным переворотом наперекосяк, и всяко. И очень мне это тоже нравилось...

Про вино и Луцино
(история с притяжением)

На электричке – до станции Голицыно, а оттуда на велосипеде двадцать километров до Звенигородской биостанции. На полпути – железнодорожная станция Звенигород. Площадь, налево переезд, за ним дорога на Шихово и Луцино, а там – Верхние дачи, Нижние дачи, это уже топонимика биостанции. Путь этот я проделываю не в первый раз, дорога известна и не трудна. Только сезон необычный – поздний июль, практика давно закончена, и меня не ждет буйство студенческой круговерти. И сам уже не студент, а молодой специалист, и еду в гости к тихим аборигенам тихой биостанции.

Время идет к пяти часам вечера, кручу педали через пустынную площадь станции Звенигород, заворачиваю к переезду, и вдруг с площади мне вдогонку:

– Ме-е-нти-и-и-й! – машут руками Гога и Князь.

От неожиданности я, видимо, тоже попытался замахать руками – и чуть не сверзился с велосипеда. Нет, ну случаются изредка маловероятные встречи, но для этой-то вероятность была просто нулевой! В самом деле, время – не сезон. Ехать мне из Пушино через Москву на биостанцию – ну незачем, ну дурь, прихоть, кого-то там повидать. И надо же было, чтобы именно в этот день Гога вернулся из далекой станицы Каневской Краснодарского края, где Гогина жена незадолго народила Гогоного сына. И чтобы Гоге по этой причине придумалось взять своего лучшего друга и поехать с ним именно в тот же Звенигород, чтобы именно там вспаивать отцовское счастье вином, да чтобы в тот момент с собой у них не было, и надо было бы завернуть в ближайший магазин, и чтобы именно на станционной площади заворачивали они в магазин в самый тот момент, когда я заворачивал там же к переезду.

Ну не бывает. А случилось. И не случайно, как можно бы подумать, не дотерпев до выводов из этой истории.

Чего действительно не бывает, так это чтобы всё по задуманному складно складывалось. Так оно же и не сложилось. Задумывали-то Гога с Князем выйти из электрички и – сразу же в магазин за напитком. А тут случись я. И пока мы восклицали о превратностях судьбы, пробил ровный пятый час, после которого по странной прихоти законодателей тех времен продавец не имел права продавать счастливым отцам алкогольные напитки. Дали нам только кильку в томате и лимонад. Остальное надо добывать в незаконном порядке.

И двинули мы в Луцино, подозревая, что там и есть незаконный порядок. Беззаконие – оно ведь там, где все свои, и законы свои – своезаконие бишь. А у Князя с селом Луцином самые родственно-дачные отношения. И даже где магазин находится, он знал, и даже увидев на магазине замок, быстро сыскал дом того, кто замок повесил. Свои продавцы, хоть и лично незнакомые, быстро понимают, что счастливому отцу нельзя не давать вина, даже если закон такой. Тем более что свои продавцы обычно держат дома ящичек-другой с напитками на такой случай. Но ведь закон всё же не велит напиток подавать, поэтому наш продавец – хоть и был свой, луцинский, – ничего нам и не подает. А только деньги берет, потому что это не запрещено. Но, уплывая в дом, велит он какому-то мужичонке, чтобы вынес этим ребятам что надо из подвальчика. Мужичку-то что! Запрещено продавцам, а не ему...

Так в тот день и вино было добыто, и законы соблюдены. Кроме закона вероятности. Да и то сказать, какое отношение закон вероятности к той жизни имеет, если я только что рассказывал о законе пожизненного притяжения Звенигородской биостанцией. Он там царит и наши встречи определяет. В тот день закон этот получил блестящее экспериментальное подтверждение.

А сын Гоги и Татьяны был Дмитрием наречен, как я. Мне это приятно, потому что – тоже из знаков взаимных притяжений.

Совсем на днях мы с Гогой эту историю стали вспоминать, и заспорили о том, в Шихово или в Луцино мы вино раздобыли. В пылу спора Гога взмахивает рукой: “Так давай же... ох, ты-ы!.. Хотел сказать, давай же у Князя спросим... Теперь не спросим.”

Про стихи и про топор

– Ментий, я такое гениальное двестишье придумал! Это маленький шедевр! Про топор:

Всем, поющим дифирамбы,
Топором да по херам бы.

– Ого! Княже, это у тебя получилось! – Обидные, конечно, слова у меня вырвались. Но он вовсе не обиделся, обрадовался. Он же и сам выделил эти две из всех своих строчек – маленький шедевр!

Кажется, это происходило в восьмидесятом году, когда несколько стихотворений Князя уже вышли в свет с благословения Сергея Михалкова. Март месяц. Я нагрянул к нему и Нинке на ночлег по дороге из первой моей зарубежной поездки, с тяжеленными коробами книг, вывезенных из Германии. Сколько хороших книг издавались здесь, а доступны были там! Стыдно сказать, я не помню теперь, подарил ли тогда что-нибудь из этих красивых изданий Князю с Нинулей. Хорошо, если все-таки подарил да и забыл – тогда, значит, не такой большой я скупердяй, раз забыл.

В тот вечер Князь взял меня на свой постоянный маршрут, по которому он делал ежевечерний часовой моцион, чтобы покурить и рифмы поискать. Как у Брюсова – ежедневная обязательная порция поэтической работы. Мне это понравилось. Только в тот раз моцион оказался из-за меня не рабочим, а экскурсионным.

Сколько-то лет спустя произошла с его двестишьем забавная история, имевшая поэтические последствия. Уже не Советский Союз, а Россия. Уже воссоздано Дворянское собрание, и в нем время от времени собираются... – ну, не знаю, наверное, разные там люди собирались, но среди них и такие романтики, как Князь. Это очень понятно: Род, Возрождение, Отечество, Долг, Честь – романтикам очень понятно. Кажется, именно в Дворянском собрании и произошел тот эпизод, хотя я не уверен в этой не самой существенной детали его рассказа. Был какой-то светский сбор. Был там Никита Михалков. Пришел и наш Князь, входит в залу, а Михалков, завидя его, хватает кого-то рядом за пиджак:

– О! Я тебя сейчас познакомлю – вот он, тот самый гениальный молодой поэт, что сочинил:

Всем поющим дифирамбы
Топором да по ...

– и рубит он вместо ера более обыкновенный речевой эквивалент. Князюшка сморщился, и сквозь характерный свой хохоток:

– Ники-итушка, ну что-о ты говоришь! Ведь там же – вну-у-тренняя ри-ифма!.. После этого случая у Князя срифмовалась “Большая разница”, об этих двух корнях, – и маленьких шедевров стало два. Потом к ним прибавился третий, “Бильярд”, тоже хулиганский, и тоже с изумительным строем смысла, звука и формы.

Ну вот, хотел о стихах, а рассказал о хулиганствах... Но о стихах лучше стихи же и читать, а я вспомнил о маленьких шедеврах.

В Москве у нас есть Князь

Когда-то в научно-популярной литературе обсуждались исследования по адаптации человека к длительному одиночеству в изолированной камере. Обсуждались они, в частности, в связи с психологическими проблемами одиночества в космическом корабле дальнего следования. Время было такое, звездное. Мой отец иронизировал: “Во! Сравнивают

камеру на Земле с камерой в космосе! Да здесь хоть ты и сидишь много недель или месяцев один, а ты знаешь, что мир рядом, за этим задраенным люком, и туда можно попасть – только очень захоти. Сама эта возможность делает испытание сносным. А в космическом корабле за люком нету твоего дома по твоему желанию! Земля далека, хоть вой! Вот и попробуй вынести этот ужас!”

Пушино – город маленький. Деревня. Жизнь спокойная. Без злой толкотни за место в трамвае. Но это в значительной мере – изолят. И жизнь тут не иссякает потому, что рядом, отделенный всего лишь междугородним автобусом, большой мир. Парадокс, но многие из пушинцев чаще, чем их московские друзья, посещают (лучше сказать – посещали) московские театры. Впрочем, так и множество москвичей чаще, чем мы, деревенские, бывают в лесу.

Есть в Пушино друзья. Но многие остались в Москве, не говоря уж о тех, кто теперь “далече”, в американских и иных ссылках. Особенно в первые годы остро не хватало оставленных друзей. Они вроде и рядом, и поездки в Москву не редки, но ведь Москва – это не город, а огромная страна с городами Университет, Черемушки, Центр и другими. Хорошо бы успеть хоть в одном из них все дела оббегать, высунув язык.

В доме Князя я бывал крайне редко, по пальцам пересчитать. Пожалуй, чаще он приезжал в наше Пушино, останавливаясь у Харлампия или у меня. Еще чаще встречались в московском городе Университет. Есть, правда, телефон – это для добрых праздничных восклицаний или для коротких сообщений. Встречи редкие, но вот сама по себе эта необходимая неизменная возможность – только захоти – в Москве есть Князь! Мечтательный, ироничный, добродушный, деликатный, упрямый, неунывающий и – ...тут в рассказе краткая пауза сомнения... – и страдающий.

– Ментий! Я рад тебя видеть! Слушай, есть Потрясающая идея!..

– Княже! Есть Гениальная гипотеза!..

– Нинуля, правда мы с твоим Князюшкой похожи? Оба гениальные...

Проект “Большой полет” – многосерийный полет с телекамерой на военном самолете (всё равно горючку зря жгут!) над главными реками страны, с историческими и географическими комментариями, с посадками на землю, встречами и беседами, с лицами и жизнью крупным планом. Проект, поддержанный киношниками, казаками, властями...

И тогда у нас начнет работать Фонд для поддержки интеллектуальных проектов во благо Отечества – научных, медицинских, технологических, иных! Такой фонд уже учрежден, только с кассой пустой – касса ждет...

Следующий шаг глобальный! “Божий мир”! Тоже полеты, но над всей планетой. Несомненно, проект поддержат все главные церкви мира!..

А коль дело с грандиозными проектами движется медленно, – не всё ведь дается сразу! – то создадим пока Интернет-Академию для коллективной работы над наиболее острыми проблемами человечества. Это можно очень здорово сделать! И по средствам нынешним доступно...

Ну, какое благодатное поле для трёпов! И я коршуном взлетаю над Князем, клюя его проекты и по тем местам, и по этим. А он:

– Ментий, ну как же ты не понимаешь! Ты послушай, изюминка-то здесь вот в чем заключается...

Что я признал сразу, так это “Большой полет”. Ясный, реальный. Вот и дело уже пошло. Вот и Никита Михалков уже согласился взяться за режиссуру. Вот и пробные полеты начались и – рухнули под обвальным семнадцатым августа девяносто восьмого...

Два электронно-коротких письма хочется привести:

Харлампию Тирасу и Дмитрию Харакозу

14 марта 2000

Дорогие мои!

Я сижу наслаждаюсь пением Хаётика нашего Ульмасова, записанные в 1974 г. Чего и вам желаю. 73 песни.

По мнению знатока – Петра Трубецкого, шефа Архива Самодеятельной Песни, запись хорошая. Он интересуется подобными записями тех лет. Или авторскими записями. Так что надеюсь услышать "Чтоб ты не страдала от пыли дорожной..." и т. д.

Your Vladimir M. Golitsyn

Владимиру Голицыну

14 марта 2000

Здравствуй, княже!

Завидую доброй завистью. Не достает мне, "сельчанину", сельского спокойствия для таких наслаждений. Хоть в карету, да и в шумную Москву с тихими уголками вроде твоего жилища.

Будь здоров.

Твой Ментий.

В Москве совсем не много теплых жилищ. Одно такое – у Князя.

Эпизоды

Оказывается, моя сестричка получила от Князя подборку стихотворений с надписью "Ах жаль не ты тому виной..."

Спрашиваю:

– Как так? Расскажи.

– А мы на твоём кандидатском защитном банкете сидели с ним рядом, и я ему рассказала очень давний эпизод, когда вы готовились к агитпоходу, а я приехала к тебе в Москву и ходила на ваши репетиции. И очень мне хотелось, чтобы Князь обратил на меня внимание, посмотрел в мою сторону. А он всё не смотрел и не смотрел. Вот. Он так обрадовался моему рассказу, что сделал эту надпись и подарил.

Года два назад мы были на праздничном застолье. Потом одна милая дама из гостей поделилась впечатлением:

– Слышу, всё князь да князь. Сначала подумала – наверное, вон тот, солидный, с черной бородой. А потом, когда князя попросили стихи свои почитать, увидела, что нет, оказывается вот этот, стройный и без бороды. Какой он интересный! Но он же такой романтик! Боже мой, такие долго не живут...

Приехали Нина с Никитой из Штатов. Тридцатое сентября, суббота, в квартире на Пролетарке собираются друзья. Князь полулежит, иногда выходит покурить, порой принимает обезболивающее. Пришла Фатимка:

– Володька, ну рассказывай. Как ты?

Постучал костяшками пальцев по доске, и с улыбкой:

– Тьфу-тьфу-тьфу-у-у, ничего-о...

Двадцатое октября, пятница, в доме родителей. Последние часы. Задыхается, говорит только шепотом. Звонят по телефону. Из трубки слышно:

– Володечка, как твое самочувствие?

Собрал силы, чтобы прорезался голос, и с улыбкой:

– Сре-едней парши-и-вости...

Нечитаемый фрагмент

Был собран этот целебный гриб-навозник, был найден этот иммуностимулятор, куплены необходимые ферменты и травы. Ждали только завершения курса химеотерапии. Нина уже улетела назад в Штаты. Князь уже у родителей. И вот, последняя таблетка химии принята, пора начинать... а Князь всё медлит. Похоже, он начал собираться. Но до меня это дошло лишь в последний день, да и то...

В четверг девятнадцатого я был у Голицыных довольно долго.

Вдруг:

– Знаешь, Ментий, мне надо морально готовиться...

Я растерялся. Ну как тут себя вести? Не долдонить же глупости типа ты не прав, надо взять себя в руки. Уж как он-то держал себя в руках! Без стона и с улыбкой. Подбадривая близких. Вот хотя бы деталь из Нинкиного электронного письма от 12 октября: “Тамара Павловна говорит, что всё плохо, а Володя в понедельник и сегодня сказал, что чувствует себя не хуже и что стал есть.”

Я должен суметь сказать ему, что морально готовиться – правильно и важно, всегда и ко всему. Но наше дело и воля – тут! Остальное там решат без нас... Нужны краткие, точные, неложные слова. Я долго искал их, я нашел их, я был собой доволен, я перед уходом произнес их ему...

...и совершенно! – не могу! – вспомнить! – что! – говорил! Только помню, о чем. Это удивительное дело.

В пятницу была еще попытка убедить. У него какие-то соображения. Удалось вытянуть два, они снимались легко. Есть что-то еще?

– Есть.

– Что?

Длинные паузы, ему трудно, глаза закатываются. Я решаюсь спросить:

– Княже, дружище, ты мне скажи. Это твое третье соображение – оно из разряда медицинских?.. Или высших?

Помолчал. Качнул туда-сюда кистью руки:

– И так, и эдак...

И добавил:

– Ты пока плюнь, Ментий ... не обращай внимания ... попозже вернемся к этому ... через несколько дней...

Мне пора идти. Перед уходом надо было помочь Тамаре Павловне поправить его подушки. Я наклонился и попросил Князя ухватиться за меня. Рука легла мне на плечи, теплая-теплая...

А на следующий день я спрашивал по телефону: “Ну как, Володе не стало легче?”

*Дмитрий Харакоз
Ноябрь 2000 г.*